

**ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

СТЕНОГРАММА

заседания диссертационного совета 24.1.068.01

«25» сентября 2026 года

Защита диссертации: Прокопьева Александра Николаевна

на тему:

**«Положение и социальная роль женщин в якутском обществе XVII —
XVIII вв. (по материалам погребальных памятников)»**

представленной на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Специальность 5.6.3. - Археология
(исторические науки)

Владивосток 2026

**ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

СТЕНОГРАММА

заседания диссертационного совета 24.1.068.01
при Институте истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
«25» сентября 2026 года

ПОВЕСТКА ДНЯ:

защита диссертации Прокопьевой Александры Николаевны
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
на тему: **«Положение и социальная роль женщин в якутском обществе XVII —
XVIII вв. (по материалам погребальных памятников)»**

Специальность 5.6.3. – Археология

Научный руководитель:

Черная Мария Петровна, доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой археологии и исторического краеведения ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Берсенева Наталья Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра ФГБУН ИИА УО РАН

Митько Олег Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований, доцент кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института ФГБОУ ВО «НГУ».

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

Председатель диссертационного совета:

Крадин Николай Николаевич, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

Ученый секретарь совета:

Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент

Присутствовали:

1. **Крадин Николай Николаевич**, Председатель совета, академик РАН, доктор исторических наук, специальность 5.6.2 - Всеобщая история;
2. **Лихарев Дмитрий Витальевич**, Заместитель председателя совета, доктор исторических наук, специальность 5.6.2 - Всеобщая история.
3. **Федирко Оксана Петровна**, Ученый секретарь совета, доктор исторических наук, специальность 5.6.1 - Отечественная история.
4. **Авилов Роман Сергеевич**, доктор исторических наук, специальность 5.6.1 - Отечественная история.
5. **Ващук Ангелина Сергеевна**, доктор исторических наук, специальность 5.6.1 - Отечественная история.
6. **Васютин Сергей Александрович**, доктор исторических наук, специальность 5.6.3 - Археология.
7. **Волынчук Андрей Борисович**, доктор политических наук, специальность 5.6.2 - Всеобщая история.
8. **Вострецов Юрий Евгеньевич**, доктор исторических наук, специальность 5.6.3 - Археология.
9. **Дударёнок Светлана Михайловна**, доктор исторических наук, специальность 5.6.1 - Отечественная история.
10. **Дьякова Ольга Васильевна**, доктор исторических наук, специальность 5.6.3 - Археология.
11. **Жущиховская Ирина Сергеевна**, доктор исторических наук, специальность 5.6.3 - Археология.
12. **Ларин Виктор Лаврентьевич**, академик РАН, доктор исторических наук, специальность 5.6.2 - Всеобщая история;
13. **Понкратова Ирина Юрьевна**, доктор исторических наук, специальность 5.6.3 - Археология.
14. **Прасол Александр Федорович**, доктор исторических наук, специальность 5.6.2 - Всеобщая история.
15. **Харинский Артур Викторович**, доктор исторических наук, специальность 5.6.3 - Археология.

Крадин Н.Н.: Кворум у нас имеется, мы правомочны проводить сегодняшнюю защиту. Сегодня у нас на повестке дня защита кандидатской диссертации Прокопьевой Александры Николаевны. Тема работы «Положение и социальная роль женщин в якутском обществе XVII-XVIII вв (по материалам погребальных памятников)», специальность 5.6.3 - археология. Работа выполнена в Национальном исследовательском Томском государственном университете. Научный руководитель доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и исторического краеведения Томского государственного университета Мария Петровна Чёрная. Официальные оппоненты: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института истории и археологии Уральского отделения РАН Наталья Александровна Берсенева и кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований Гуманитарного института Новосибирского государственного университета Олег Андреевич Митько, ведущая организация Северо-Восточный государственный университет. Слово предоставляется ученому секретарю Совета для информации о представленных соискателем документов и соответствии с их установлением требований.

Федирко О.П.: Соискатель Прокопьева Александра Николаевна, 1983 года рождения. В 2005 году соискатель окончил Якутский государственный университет имени Аммосова по специальности «История». С 2021 по 2024 год была прикреплена соискателем к Национальному исследовательскому Томскому государственному университету. И также сдавала кандидатские экзамены. Иностранный язык сдан на «хорошо», история и философия науки «хорошо», археология «отлично». На данный момент работает в должности научного сотрудника лаборатории археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Документы все были предоставлены вовремя, в срок. Все документы соответствовали требованиям. Апробация работы проведена достаточно широко. У соискателя есть 28 опубликованных работ. Все они по теме диссертации. 12 из них опубликованы в рецензируемых научных изданиях, наиболее значительные работы - в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, а также в изданиях, индексируемых в базах SCOPUS и Web of Science, а также монография, публикации в сборниках научных трудов.

Экспертиза была проведена в Институте истории, работа была допущена к защите в Диссертационный совет. И еще одно такое объявление – это 20-я защита в нашем Диссертационном совете. Маленькие даты очень приятно отмечать. То есть это 20-я защита, которая рассматривается в рамках нашего Диссертационного совета.

Крадин Н.Н.: Ну что ж, очень хорошо. Пожалуйста, Александра Николаевна, вам слово для оглашения существа и основных положений вашей диссертации.

Прокопьева А.Н.: Уважаемый председатель, уважаемые члены диссертационного совета, уважаемые коллеги!

Разрешите представить Вашему вниманию доклад о содержании и основных результатах диссертационного исследования на тему «Положение и социальная роль женщин в якутском обществе XVII–XVIII вв. (по материалам погребальных памятников)».

Актуальность темы исследования обусловлена стоящей перед исторической наукой задачей осмысления социальной структуры и повседневности народов Северо-Востока Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. XVII–XVIII века являются ключевым периодом в истории Якутии – эпохой вхождения региона в состав Российского государства, установления ясачной системы, развития торгово-экономических отношений и начала христианизации. Эти процессы существенно повлияли на уклад жизни местного населения, трансформировали социальную структуру и систему ценностей. Однако до настоящего времени женская часть якутского общества оставалась вне поля зрения исследователей как особая социальная категория. Письменные источники отражают преимущественно правовое положение женщин в контексте брачного права и наследования, тогда как археологический материал позволяет реконструировать их реальный статус, социальные роли и повседневную жизнь.

В последние годы тема роли и статуса женщин в обществе все чаще звучит в научном дискурсе. Активным направлением является социальная археология, развивающаяся и в отечественной науке. Все чаще объекты материальной культуры и особенности погребального обряда рассматриваются как источники для изучения роли, места и положения женщин в древних обществах. Настоящая работа является первым опытом комплексного изучения женщин якутского общества XVII–XVIII веков на основе археологических источников.

Историография вопроса представлена широким комплексом исследований из нескольких дисциплин и областей. Основная литература, использованная в работе, охватывает несколько основных аспектов. Во-первых, труды историков об организации якутского общества и социально-экономических преобразованиях, в которых рассматривается, в том числе, правовое положение женщин. Во-вторых, работы, посвященные изучению якутских погребений и материальной культуры. В-третьих, труды по изучению костюма и украшений якутов. В-четвертых, исследования в области социальной археологии и гендерной археологии. В-пятых, работы по палеоантропологии и палеогенетике якутского населения. Анализ историографии темы позволяет сделать вывод о том, что женские погребения только начали рассматриваться как источники для социальной реконструкции древних обществ. В археологии Якутии женщины как особая социальная категория еще не были рассмотрены в общественно-экономическом и историческом контексте.

Целью работы является определение положения и социальной роли женщины в якутском социуме XVII–XVIII веков. Объектом исследования выступают погребения XVII–XVIII веков, обнаруженные на территории Якутии и определенные как женские. Предметом исследования является положение и роль женщин в якутском обществе, отраженные в материалах погребений.

Хронологические рамки исследования ограничены XVII–XVIII веками. Нижняя граница обусловлена отсутствием более древних якутских женских погребений, верхняя – началом массовой христианизации якутов с середины XVIII века и последовавшим введением христианского погребального обряда с конца XVIII – начала XIX века. Территориальные рамки охватывают центральные, западные и северные группы районов Республики Саха (Якутия), что составляет 15 районов и территорию городского округа «город Якутск». Выбор территории обусловлен наличием изученных погребальных памятников XVII–XVIII веков и границами ойкумены традиционной якутской культуры.

Источниковая база исследования. Основными источниками являются погребальные памятники XVII–XVIII веков с определением пола, выявленные за все время археологического изучения Якутии. Работа основана на опубликованных данных, полевых отчетах и рукописной документации, а также материалах раскопок автора. Всего включено 131 женское погребение, из которых 57 имеют биологическое определение пола и возраста. Для сравнительного анализа привлечены 159 мужских погребений. Таким образом, в основу анализа легло 290 могил. Проанализирован корпус вещественных источников из погребений, хранящийся в музеях Якутии. Значительная часть материалов впервые вводится в научный оборот.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности. Для реконструкции социальной стратификации использованы базовые принципы и категориальный аппарат, представленные в работах С.С. Миняева, Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, С.С. Матренина, Н.Н. Серегина, а также гендерно-возрастной анализ археологических источников Н.А. Берсеновой. Важное значение имеет идея «опредмечивания» социального статуса, согласно которой общественное положение человека сохранялось после смерти и выражалось в различных показателях погребального обряда.

Научная новизна. В диссертации автором впервые в якутской археологии обобщен и систематизирован весь накопленный массив информации о женских погребениях. Обработаны традиционные для археологии сведения о месте и способе захоронения, погребальных конструкциях, вещевом комплексе и сопровождающих погребениях. Новыми для якутской археологии являются данные о состоянии здоровья женщин на момент их смерти, полученные из протоколов антропологов и отчетов МАФСО. До исследований автора палеоантропологические данные из погребений не рассматривались как источники для реконструкции условий жизни женщин XVII–XVIII вв. Якутии.

Работа является первым опытом изучения женщин как социальной группы якутского общества XVII–XVIII вв. на базе археологического материала. Привлечение широкого круга письменных источников позволило провести историческую интерпретацию становления роли и функции женщин в обществе в контексте социально-экономических процессов Северо-Востока Азии. Разделение женских погребений на возрастные группы дало возможность проследить особенности погребального обряда в зависимости от социального веса индивидов и определить знаково-символическую сторону вещевого комплекса женских могил. Впервые рассматриваются вероятные способы формирования вещевого комплекса и выбора места погребения женщин в связи со свадебной обрядностью, системой родства и обычным правом с привлечением письменных источников и фольклорных материалов. Сравнительный анализ элементов погребального обряда позволил выявить социальную дифференциацию в женской части якутского социума XVII–XVIII вв.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, словаря терминов, списка источников и литературы и приложений. Общий объем диссертации – 416 страниц, включая основной текст (218 страниц) и иллюстративное приложение (198 страниц).

В первой главе «Погребальные памятники XVII–XVIII вв. (источники и анализ)» систематизирован весь массив информации о женских погребениях. Установлено, что на территории Якутии выявлено около 400 погребений указанного периода, из которых 131 — женские. По форме выделены три группы: грунтовые, воздушные и наземные. Большинство женских могил относится к XVIII веку, преимущественно к первой половине столетия — периоду экономического расцвета. Впервые получены радиоуглеродные даты для трёх женских погребений, включая самую раннюю женскую могилу Уоттаах - это XV–XVI вв.

Во второй главе «Общая характеристика и элементы погребального обряда женских погребений» выявлены характерные признаки по возрастным группам: дети (6 погребений), взрослые (29) и старшие взрослые (15), что позволило проследить динамику изменения социального статуса женщины на протяжении жизненного цикла. Установлено, что наиболее престижные могилы располагались на коренных террасах рек и вершинах возвышенностей; в контексте могильников женские могилы, как правило, находятся ниже вершины. Наиболее нейтральными являются могилы девочек до 7 лет; с 7 лет начиналась трудовая социализация, формировавшая половозрастные отличия. Выявлено, что главными маркерами социального статуса замужних женщин являются металлические украшения натазников, плечевая одежда типа тангалай, нарядные шапки с рогами и перьевыми султанчиками. Жены родоначальников, князцов и «лучших людей» составляли самую привилегированную прослойку женской части якутского общества.

Впервые палеоантропологические данные рассмотрены как источник для реконструкции условий жизни. Анализ 53 достоверно определённых

женских захоронений выявил высокую смертность в фертильном возрасте – 57,2% от общего числа взрослых погребенных, что коррелирует с данными о высокой материнской смертности. Выявлены остеопорозы, остеоартриты, спондилез, туберкулез костей, заросшие переломы, следы народной медицины.

В третьей главе «Социальные маркеры женских погребений» на основе полученных данных выделены группы вертикальной и горизонтальной стратификации, определены выражения пола и статуса в погребальных памятниках. Установлено, что положение женщины определялось тремя основными факторами: происхождением (предписанный статус), репродуктивным успехом (достигнутый статус) и имущественным положением семьи. Социальная роль женщины включала функции символа богатства рода, средства межродовых союзов, хранительницы домашнего очага и, в исключительных случаях, носительницы властных полномочий. Высокий статус посмертно подчеркивался максимальной приближенностью к высокостатусным мужским погребениям. Однако выявлено и главное отличие мужских и женских могил – отсутствие предметов охоты и вооружения у женщин. Военное дело и уплата ясака, вероятно, были той непреодолимой границей, которую невозможно было нарушить даже самым высокостатусным женщинам.

На защиту выносятся следующие положения:

Первое. Прижизненный статус и положение женщин в обществе выражались в количестве и качестве предметного комплекса, а также сложности могильных сооружений.

Проведенный сравнительный и статистический анализ совокупности компонентов погребального памятника позволил объективно реконструировать иерархию внутри женской части общества, где статус мог быть как предписанным, так и достигнутым. Прижизненный статус женщины действительно находил устойчивое выражение в погребальном обряде и структурные компоненты погребального обряда напрямую коррелируют с имущественным и социальным положением погребенной. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что «археологически видимой» оказалась преимущественно зажиточная прослойка общества, практиковавшая ингумации в гробах в относительно крупных и глубоких могильных ямах. Рядовое и зависимое население, а также дети раннего возраста представлены в выборке недостаточно, что ограничивает возможность полноценной реконструкции всей социальной структуры якутского общества XVII–XVIII вв. и требует дальнейшего расширения источниковой базы.

Второе. В зависимости от возраста смерти, состав и количество сопроводительного инвентаря женских могил определялись предписанным или достигнутым социальным статусом. Возрастная стратификация проявляется в структуре погребального инвентаря, где предписанный статус доминирует в детских могилах, а достигнутый – у взрослых и пожилых женщин.

Анализ погребений, имеющих достоверное антропологическое определение пола и возраста, позволил выделить три возрастные группы – дети, взрослые и старшие взрослые – и установить, что состав и количество сопроводительного инвентаря определялись характером социального статуса: предписанным или достигнутым. В детских погребениях (девочки от 7 до 14-17 лет) доминирует предписанный статус, обусловленный происхождением. Наиболее нейтральными являются могилы девочек до 7 лет. В группе взрослых (16-55 лет) отчетливо преобладает достигнутый статус, реализованный через замужество, материнство и положение в семейной иерархии. Именно здесь сосредоточены наиболее богатые погребения (от 40 до 55 предметов вещевого комплекса). В группе старших взрослых (старше 50-55 лет) достигнутый статус приобретает новое качество: он связан с репродуктивным успехом, положением вдовы или старшей жены, накопленным жизненным опытом и авторитетом. Ряд погребений этой группы отличается наибольшей сложностью надмогильных сооружений и наличием символов власти, что позволяет говорить о потенциальной возможности женщин старшего возраста занимать управленческие позиции внутри рода.

Третье. Костюм погребенных является знаковой символикой возрастной и социальной принадлежности женщин.

Установлено, что крой и состав одежды в целом слабо отражают половозрастные различия, однако отдельные элементы костюма обладают отчетливым символическим значением. К элементам, маркирующим брачный статус и социальную зрелость, относятся прежде всего нарядные кафтаны с короткими рукавами тангалай. Анализ их распространения показал, что они полностью отсутствуют в детских погребениях и фиксируются только у женщин брачного возраста. К маркерам возрастного перехода относятся металлические украшения натазников (кыбака симэбэ), появлявшиеся в костюме девочки с началом менархе и сохранявшиеся до конца жизни, а также начальник бастына. Особую группу составляют подвески натазников, выполнявшие не только социально-маркирующую, но и магическую апотропейную функцию – защиту репродуктивной сферы женщины. Таким образом, костюм выступал важнейшим инструментом социальной коммуникации, транслируя информацию о возрасте, брачном состоянии и месте женщины в иерархии якутского общества. Показательно, что даже самые богатые семьи не нарушали комплектности костюма, соответствующего социальному возрасту погребенной.

Четвертое. Чем выше положение женщины – тем ближе погребение по своему составу сопроводительного инвентаря к мужским.

Сравнительный анализ мужских и женских погребений показал, что чем выше было положение женщины, тем ближе по своему составу ее погребение оказывалось к мужским. Наиболее богатые женские захоронения содержат предметы, традиционно ассоциируемые с мужской сферой: кнут, металлические котлы, конское снаряжение, а в отдельных случаях – сопровождающие погребения коней. Символы власти в женских могилах

представляет собой исключительный случай, поскольку они редки даже для мужских погребений. Это позволяет предполагать, что некоторые женщины могли обладать реальными властными полномочиями, унаследованными от мужа (вдовы) или приобретенными в силу положения старшей жены.

Ни в одном женском погребении не зафиксированы предметы охоты и вооружения. Отсутствие этих категорий инвентаря указывает на то, что военное дело и промысловая охота, тесно связанные с уплатой ясака и распределением ресурсов, оставались исключительно мужской сферой. Именно эти два вида деятельности обеспечивали реальную власть и доступ к экономическим ресурсам и не были доступны женщинам даже самого высокого статуса.

Таким образом, социальная дифференциация женщин имела свои пределы, определяемые внутренней системой традиционного общества. Повышение статуса позволяло женщине приблизиться по ряду материальных маркеров к мужской элите, но не позволяло преодолеть фундаментальную границу, связанную с военно-фискальными функциями. Это отражает устойчивую патриархальную структуру власти и распределения ресурсов в якутском обществе XVII–XVIII вв.

Вместе с тем материалы погребений показывают, что положение женщины не было статичным: оно определялось тремя основными факторами – происхождением (предписанный статус), репродуктивным успехом (достигнутый статус) и имущественным положением семьи. Социальная роль женщины включала функции символа богатства рода, средства межродовых союзов, хранительницы домашнего очага и, в исключительных случаях, носительницы властных полномочий. Динамика изменения состава сопроводительного инвентаря на протяжении XVII–XVIII вв. свидетельствует о постепенном расширении возможностей женщин, связанном с процессами социально-экономических преобразований, вхождением Якутии в состав Российского государства и началом христианизации.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она восполняет существенный пробел в изучении социальной структуры и повседневности народов Северо-Востока Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Разработанный подход к анализу погребальных комплексов может быть применен для изучения других кочевых и полукочевых обществ. Результаты работы могут быть использованы в музейной деятельности, при разработке учебных курсов и пособий по региональной истории и археологии.

Апробация результатов. Основные выводы диссертации апробированы в 28 научных публикациях, в том числе в 12 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, представлены в докладах на 12 конференциях. Созданы и зарегистрированы три базы данных.

Достоверность результатов обеспечена широкой источниковой базой, корректным применением методик, комплексным подходом к анализу

материала и апробацией основных положений в рецензируемых научных изданиях.

Спасибо за внимание!

Крадин Н.Н.: Спасибо. Вопросы, пожалуйста, коллеги.

Да, пожалуйста, Юрий Евгеньевич.

Вострецов Ю.Е.: Скажите, пожалуйста, фиксируются ли переломы рук у женщин? Если фиксируется, то каких: правых или левых?

Прокопьева А.Н.: Перелом у локтевого сустава был у одной женщины, но я вам сейчас точно не скажу правое или левое, но вот это единственный случай. Вот во многом из самых богатых погребений - у нее перелом ребер.

Вострецов Ю.Е.: А вообще какие патологии у вас наиболее типичные женские?

Прокопьева А.Н.: В основном это связанные с суставами и позвоночником. Но они характерны и для мужчин, конечно.

Вострецов Ю.Е.: Вот вы сказали в выводах о том, что динамика состава сопроводительного инвентаря свидетельствует о процессах вхождения Якутии в состав Российской империи в начальный период. Какие новые элементы, которые появляются, свидетельствуют именно об этом процессе?

Прокопьева А.Н.: Прежде всего, это конечно же предметы, связанные с импортом, с русским торгом. Это, конечно же, материалы: шелк, сукно, бисер, часть металлических украшений. А также в особо статусных погребениях - явно привозные вещи. Это, например, китайские трубки, ножик с перламутровой рукояткой и другие явно привозные вещи.

Федирко О.П.: А с христианизацией связанные?

Прокопьева А.Н.: Наличие крестика на теле. Здесь у нас такой момент, когда вроде бы крестик на теле есть, но при этом обряд не христианский. Это явно языческий обряд. И вот постепенное смещение к христианскому обряду, к более, скажем так, скромному по своему набору сопроводительного инвентаря, у нас наблюдается как раз к концу 18-го века. И вот как раз наблюдается в динамике, как обряд постепенно менялся.

Федирко О.П.: А крестики старообрядческого толка или все-таки новые традиции?

Прокопьева А.Н.: Очень редко встречаются старообрядческие, в основном это новой традиции

Федирко О.П.: Ну вот и отличие от Гижигинска да? Спасибо.

Харинский А.В.: Скажите, пожалуйста, на основании чего все-таки выделяется кулун-атахская культура? Потому что вы тоже говорите, что это как бы переход к тем объектам, которые вы исследуете. И я насколько понял, нет пока женских погребений в рамках этой культуры, да?

Прокопьева А.Н.: Да. Кулун-атахский период на данный момент датируется примерно с 11 века по 16 век.

Харинский А.В.: У вас 10 век. А у Гоголева 14.

Прокопьева А.Н.: Да, Анатолий Игнатьевич считает, что 14-16 вв. Но в последней монографии История Якутии датирована с 10 по 16 век. Она у нас

выделяется на основе наличия поселений, где есть остатки лошадей, коров, т.е. чисто скотоводческая культура. Первая скотоводческая культура, поэтому она у нас особняком и считается неким ядром якутского этноса, так как якуты - единственная скотоводческая культура на территории Якутии. А женские погребения этой эпохи действительно малочисленны. У меня есть только одно погребение, которое датировано методом АМС 15-16 вв. Типологически оно скорее тяготеет к началу 17 века, я бы сказала. Но так как она лежит на боку в скорченном положении, что у нас считается признаком архаичности погребений, здесь оно сходится. Но тут тоже есть момент, она беременна. И поэтому положение может быть связано и с ее положением физиологическим. Поэтому вопрос остается открытым. Когда появится еще большее количество ранних женских погребений, то возможно сможем ответить на это подробнее. И вот это очень интересный момент, потому что периодом до 17 века у нас датировано около 40 погребений, и это единственное женское. Они практически все мужские и есть несколько детских погребений. И это вопрос, над которым предстоит еще работать.

Харинский А.В.: Чем заканчивается кулун-атахская культура? Если мы говорим, что переход к новым культурным традициям. И у вас вообще есть какое-то название для этого периода, если мы говорим о названии археологической культуры, которое связано с 17-18 вв?

Прокопьева А.Н.: Да, у нас этот период называется «кыргыс-етехи». Период кыргыс-етехов, переход к новым культурным традициям. То есть это как раз такой ...

Харинский А.В.: то есть по Окладникову?

Прокопьева А.Н.: Да, да, конечно. Промежуточный период перехода. От более ранней. Вот считается, что к приходу первых казаков-первопроходцев якуты переживали эпоху междоусобных войн, где одним из старейшин был Тыгын. С ним множество легенд и преданий связано, и в них говорится, что часть женщин была местного происхождения, а мужчины были пришлыми. Возможно, это как раз часть ответа на вопрос, почему периода кулун-атахской культуры женский погребений, ингумаций, во всяком случае, пока еще, к сожалению, очень мало.

Харинский А.В.: Археологически как определяете новый период?

Прокопьева А.Н.: Мы в основном определяем на основании анализа керамического материала, потому что там очень резко отличается кулун-атахский период. Это у нас в основном с прямым венчиком, налепными валиками, вот этими канелюрами и прочее. И по составу теста, в принципе, тоже можно понять. А вот в 17 веке по керамике уже видно, что начинает деградировать, она очень толстая, не очень хорошо обработанная.

Жущиховская И.С.: По своему профилю научному очень любопытно было бы узнать у вас, встречается ли среди вашего престижного инвентаря, погребального, китайский фарфор импортный? Потому что XVII-XVIII век, это как раз время, когда вот он хлынул через Южную Сибирь. Да, ну вот этот процесс интересный. У вас есть такие?

Прокопьева А.Н.: Вот на погребальных памятниках китайского фарфора нет. Встречаются лаковые, китайские лаковые тарелочки, вот эти маленькие.

Жушиховская И.С.: А фарфора нет, да? Посуды? Ну это очень любопытно. Спасибо.

Понкратова И.Ю.: В какой степени те данные, то представление о положении и социальной роли женщин, которые вы получили на основании анализа погребальных памятников, соответствуют письменным источникам?

Прокопьева А.Н.: В письменных источниках, к сожалению, женщин очень мало фигурируют, и они фиксируют такое специфическое. Они либо это жены ясакоплательщиков, и они идут просто количественно: вот у него две жены, три жены, столько-то дочерей. Имена их редко, но в письменных источниках фигурируют. И большую информацию нам дают, скорее, источники, где зафиксированы какие-то элементы обычного права. Чаще всего это связано с наследованием и калымом. Очень много судебных документов, где как раз-таки идут судебные процессы, связанные с тем, что кто-то кому-то калым заплатил, не заплатил, жену угнали, жену вернули и прочее. Вот такие вот брачные дела, и в них действительно можно получить информацию. Есть очень интересный документ, я недавно нашла, о том, что были женщины-фальшивомонетчицы, в XVII веке разливали монетки. Ну вот о таких богатых прослойках, о которых преимущественно идет речь, на примере брачного права. А вот, конечно, простое население в судебных не фигурирует.

Понкратова И.Ю.: То есть в этнографических описаниях ничего близко об этом нет, так?

Прокопьева А.Н.: Да, вот этнографическое описание у нас только к XVIII в. относится, уже ко второй половине. И там в основном это о том, как они одеты. Что у них одежда такая, женщины любят наряжаться, в праздники надевают то, это. А вот именно внутреннего содержания, к сожалению, вообще не зафиксировано.

Ващук А.С.: Скажите, пожалуйста, сколько вы говорите: богатые, безбедные. А какие-то социальные группы среди женских погребений выделяете? Сколько вы их выделяете?

Прокопьева А.Н.: На основании того материала, который у меня в диссертации отражен, здесь четко выделяется, конечно, очень супербогатые женщины, которых можно отнести к элите. Из у меня четыре, у которых предметов больше 40. И потом идет уже более низкое население, но они все равно знать, потому что они очень богаты, у них большое количество бисера, но предметов у них 27 и ниже. И вот по совокупности они очень четко разделяются. И даже по количеству видно даже, потому что их все равно не может быть очень много. А вот, к сожалению, зависимое положение и вот простая, скажем так, более низкая социальная прослойка она практически никак не представлена. Есть несколько погребений, которые были выявлены в последние годы, но я не стала вносить их в свое исследование. Например, было обнаружено погребение женщины, которая явно была умерщвлена и настолько

много у нее травм на теле, что видно, что это была рабыня. У нас есть понятие «нэктэл кулут» – это самая низкая категория рабов, вероятно она относилась к ней. И она была похоронена даже плохо, ее в гроб просто закинули, ее ноги торчали из гроба и расположена была рядом с воинскими могилами. Но мы этот памятник только изучаем. Поэтому пока выводы пока рано делать. Ждем.

Крадин Н.Н.: А может это берсерк?

Прокопьева А.Н.: Но это точно женщина.

Крадин Н.Н.: Нет ну берсерк-женщина?

Прокопьева А.Н.: Может быть, было очень интересно.

Крадин Н.Н.: Ясно. Ольга Васильева, пожалуйста.

Дьякова О.В.: Скажите, пожалуйста, в мужских и женских погребениях типы котлов одинаковые или разные?

Прокопьева А.Н.: Котлы отдельно, к сожалению, мы еще не изучали. Но если вот чисто визуально, из того, что я просмотрела в музейных фондах, и которые попадались у меня, это один тип, это медные котлы с ручками.

Дьякова О.В.: Медные, да?

Прокопьева А.Н.: Да. Железные у мужчин бывают.

Дьякова О.В.: Так, и второй вопрос. Скажите, пожалуйста, вот эти вот котлы, которые медные, они с чоронами как-то перекликаются?

Прокопьева А.Н.: Нет.

Дьякова О.В.: Совершенно нет?

Прокопьева А.Н.: Это обычные котлы, которые распространены по всей Сибири. Я в других городах бываю, в музеях смотрю. Это точно такие же как и у нас.

Дьякова О.В.: Спасибо.

Крадин Н.Н.: Наконец-то созрел Сергей Александрович, главный специалист по социально археологии.

Васютин С.А.: У меня несколько вопросов. Как я понял, вы выделяете всего две страты. А в мужских?

Прокопьева А.Н.: В мужских там поинтереснее дело, потому что там тоже выделяются точно элитарные погребения с большим количеством привозного, престижных, т.н. предметов. Есть погребения знати и погребения условно, так скажем, простых людей. Но их тоже очень небольшое количество, потому что мы находим их чисто визуально, по западине, которую мы можем увидеть человеческим взглядом. Поэтому, конечно, мы находим только те, которые самые были большие ямы, глубокие ямы. К сожалению, тех, кого хоронили очень неглубоко или в небольших ямах, мы их, к сожалению, находим не так часто, как хотелось бы. Ну вот так по количеству.

Васютин С.А.: скажите, как у вас реализовалась задача: на основе полученных данных выделить группы вертикальной и горизонтальной стратификации.

Прокопьева А.Н.: В контексте той группы, которая выделяется, это вот эти страты - погребения элиты и погребения знати.

Васютин С.А.: Если вы знакомы с этими работами, которые используются, вы знаете, что там много страт.

Прокопьева А.Н.: Но, к сожалению, материал не дает нам возможность выделять большое количество страт.

Васютин С.А.: Хорошо. А какова средняя продолжительность жизни вообще?

Прокопьева А.Н.: Средняя продолжительность где-то около 40 лет. Потому что вот как раз это была группа самая многочисленная.

Васютин С.А.: Скажите, как у вас получилось, что цель работы и предмет в одном параграфе?

Прокопьева А.Н.: Я вам сейчас этого не скажу.

Васютин С.А.: У вас цель работы является определение положения и социальной роли женщины. Оно так и называется.

Прокопьева А.Н.: Это заключительный параграф. Я там попыталась как раз сформулировать все выводы.

Васютин С.А.: Еще вопрос. У вас в приложении таблица «Женские захоронения». А это на самом деле не женские захоронения, а там есть и мужские, и детские. Почему это?

Прокопьева А.Н.: Это какая таблица в диссертации?

Васютин С.А.: Ну основная, как я понимаю.

Прокопьева А.Н.: Первая – это сводная, где сведения обо всех погребениях.

Васютин С.А.: Нет-нет, это таблица 4 «Женские погребения». Тут «двое мужских», «дети».

Прокопьева А.Н.: Нет, это только женские. Там наверно в скобках это групповые погребения, где помимо женщин в том числе были мужчины, дети.

Крадин Н.Н.: Профессор Ващук, пожалуйста.

Ващук А.С.: Александра Николаевна, я хотела уточнить, правильно ли я поняла первое положение, которое выносится на защиту: «Прижизненный статус и положение женщин в обществе выражались в количестве и качестве погребального комплекса». Здесь вопросов нет. А вот вторая часть у меня вызвала вопрос: «а также сложность могильного сооружения». Вопрос, что при жизни уже женщины определяли сложность могильного сооружения? При жизни, да? И где это, как вы могли это зафиксировать? В погребальных памятниках археологических этого нет. Значит это в письменных источниках?

Прокопьева А.Н.: Да, это в сравнении и с письменными, и с фольклорными источниками. Потому что некоторые погребения, особенно самые богатые, о них сохранились сведения: кто она была. например, это дочь такого-то бая, или его жена, и о них есть фольклорные сведения.

Ващук А.С.: А то, что точно определяли сложность могильного сооружения при жизни? Ей было известно?

Прокопьева А.Н.: Это нет, конечно нет. Она наверно предполагала.

Крадин Н.Н.: Не совсем наверно удачно сформулировано. Смысл в том, что статус и положение женщины выражалось в этом.

Ващук А.С.: Да, но тут при жизни

Крадин Н.Н.: Ну да-да. Смысл с том, что статус этой жизни при жизни отражался в сооружении.

Ващук А.С.: Да-да, абсолютно верно.

Крадин Н.Н.: Хотя это тоже жизнь после жизни, с точки зрения археологов то точно. Так, коллеги! Достаточно наверно вопросов? Сергей Александрович, достаточно? Спасибо. Тогда присаживайтесь, сейчас у нас слово научному руководителю. Поскольку ее нет, я попрошу ученого секретаря зачитать отзыв Марии Петровны Чёрной.

Федирко О.П.: Итак, отзыв научного руководителя. *(Полный текст Отзыва научного руководителя прилагается)*.

Крадин Н.Н.: Спасибо, Оксана Петровна! Зачитайте тогда сразу отзывы. Ведущей организации отзыв, другие отзывы, поступившие на автореферат и диссертацию.

Федирко О.П.: *(Полный текст Заключения НИТГУ прилагается)*

В процессе, уже после принятия к защите, при назначении ведущей организации, мы руководствовались тем, чтобы максимально подобрать ведущую организацию, у которой будут публикации по данной теме. И, как вы помните, члены Диссертационного совета, также территориально хотелось, чтобы это было максимально близко для того, чтобы специалисты могли бы оценить вклад Александры Николаевны в решение обозначенных проблем.

(Полный текст Отзыва ведущей организации прилагается)

И поступили отзывы на авторефераты. Их несколько. Отзыв от

1. Сальниковой И.В., кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН *(Полный текст Отзыва Сальниковой И.В. прилагается)*

2. Руслановой Р.Р., кандидата исторических наук, заведующей отделом археологии Национального музея Республики Башкортостан *(Полный текст Отзыва Руслановой Р.Р. прилагается)*

3. Хасеновой Б.М., PhD, ведущего научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Маргулана *(Полный текст Отзыва Хасеновой Б.М. прилагается)*

Крадин Н.Н.: Спасибо, Оксана Петровна. Александра Николаевна, пожалуйста, Вам слово для ответа на замечания от ведущей организации и на отзывы на автореферат.

Прокопьева А.Н. Спасибо! Выражаю признательность ведущей организации за оценку диссертационного исследования, за анализ его содержания.

1. О корректности экстраполяции выводов на всё якутское общество при преимущественной «археологической видимости» зажиточной прослойки

Это замечание является одним из наиболее принципиальных и методологически важных. В диссертации я специально оговариваю, что выводы о социальном положении женщин реконструируют прежде всего положение привилегированной части якутского общества, поскольку именно

их погребения оказались археологически видимыми. Вместе с тем, использование термина «социальная роль женщины в якутском обществе» в заглавии и в формулировках задач представляется оправданным по нескольким причинам.

Во-первых, даже реконструируя положение элиты, мы получаем важную информацию о принципах социальной стратификации, системе ценностей и механизмах воспроизводства статуса, которые в той или иной степени проецировались на всё общество. Якутское общество XVII–XVIII вв. было иерархичным, но не замкнутым: социальные лифты существовали, и модели поведения элиты служили ориентиром для других слоев.

Во-вторых, в работе намеренно используется термин «археологически видимая часть общества», что подразумевает признание ограниченности выборки. Это положение является важным элементом научной рефлексии и отражено в методологическом разделе с опорой на концепцию «археологической видимости». Таким образом, выводы диссертации предлагаются не как исчерпывающая характеристика всего женского населения Якутии, а как реконструкция той его части, которая оставила археологический след.

В-третьих, привлечение письменных источников позволило верифицировать археологические данные и показать, что модели статусного поведения, фиксируемые в погребениях знати, коррелируют с правовыми нормами, распространявшимися на все население. Это дает основание говорить о социальной роли женщины в якутском социуме как о системной характеристике, а не только об элитарной практике.

В дальнейших исследованиях я планирую специально сосредоточиться на поиске и интерпретации погребений рядового населения, что позволит восполнить этот пробел и проверить полученные выводы на более репрезентативной выборке.

2. О возможной интерпретации нестандартного положения тел как маркера «девиантного» статуса, а не только «опасных покойников»

В диссертации погребения с нестандартным труположением рассматриваются в русле традиционной для якутской археологии интерпретации, восходящей к этнографическим материалам, как захоронения «опасных» покойников – лиц, умерших «неправильной» смертью. Действительно, этнографические данные XIX – начала XX в. фиксируют специальные способы «обезвреживания» таких умерших, включая связывание тела, придание ему неестественной позы и т.д.

Однако предложенная альтернативная интерпретация заслуживает внимания. В некоторых культурах Евразии нестандартное положение тела в могиле может свидетельствовать не только о «девиантности» умершего, но и о его особом статусе - например, о принадлежности к шаманской или жреческой традиции, о совершении специальных обрядов посвящения, или о насильственной смерти в ходе ритуального действия. В контексте якутских материалов эта гипотеза может быть продуктивной. Так, погребение Усун

Быран и погребение Чочур Мыран могут быть интерпретированы не только как «обезвреживание», но и как свидетельство особого, возможно, шаманского статуса, который требовал специфического обрядового оформления. Косвенным подтверждением может служить наличие в этих погребениях богатого костюма и расположение на престижных участках ландшафта.

На данный момент малочисленность таких погребений, отсутствие палеопатологических подтверждений не позволяет сделать однозначный вывод. Однако я согласна с тем, что эта гипотеза требует дальнейшей разработки. В будущих исследованиях необходимо сопоставлять нестандартные погребения с данными о возможном социальном статусе, а не сводить их исключительно к категории «опасных покойников».

3. О низкой престижности или неритуализированности занятий, не нашедших отражения в погребальном инвентаре

Замечание о том, что отсутствие инструментов для выделки шкур и доения скота в женских погребениях может свидетельствовать не столько о низкой престижности этих занятий, сколько об их исключительной «мирской» привязанности и неритуализированности, является концептуально важным.

В диссертации я интерпретирую наличие предметов для шитья и декорирования в богатых могилах как символ статуса, подчеркивая, что именно эта часть женского труда была ритуализирована и сакрализована. Действительно, шитье и декорирование нарядной одежды требовало высокого мастерства, было связано с престижными социальными функциями и, вероятно, входило в круг «благородных» занятий, достойных быть отраженными в погребальном обряде.

Напротив, выделка шкур, доение скота, заготовка продуктов — это повседневный, рутинный труд, который, хотя и был жизненно необходим, не обладал такой же символической нагрузкой. Это не означает, что они были непрестижны, но они не были ритуализированы и не маркировали высокий социальный статус.

Таким образом, отсутствие этих предметов в погребениях подтверждает не низкий статус женщин, занимавшихся этим трудом, а тот факт, что лишь определенные виды деятельности были сакрализованы и включены в систему погребальных маркеров.

4. О наличии повторов и технических погрешностей

В процессе работы над объемным исследованием отдельные погрешности, к сожалению, неизбежны. При подготовке текста к печати и в дальнейших публикациях эта проблема будет устранена, а иллюстративный материал приведен к единому стандарту подписей.

Еще раз благодарю ведущую организацию за профессиональный и доброжелательный отзыв. Замечания носят конструктивный характер и будут учтены в дальнейшей научной работе. Особенно ценной считаю возможность обсудить методологические аспекты репрезентативности выборки, интерпретации нестандартных погребений и семантики сопроводительного

инвентаря, что открывает новые перспективы для продолжения исследований в рамках социальной археологии Якутии и сопредельных регионов.

Далее ответы на замечания на автореферат. Благодарю за внимательное прочтение автореферата и оценку диссертационного исследования.

1. О количестве и доле женских погребений.

В диссертационном исследовании учтено около 400 погребений XVII–XVIII вв., выявленных на территории Якутии. Из них 131 погребение определено как женское, что составляет около 33% от общего числа. Эти данные приведены в тексте диссертации (глава 1) с разбивкой по типам погребений и географическим группам. В автореферате, исходя из ограниченного объёма, указано только число женских погребений.

2. Об отсутствии развёрнутой характеристики археологических памятников как базового источника.

Такая характеристика дана в первой главе диссертации: рассмотрены типы погребений (грунтовые, воздушные, наземные), их конструктивные особенности, топография, степень сохранности. В автореферате эти сведения изложены сжато.

3. О формулировках названий некоторых параграфов.

Предложенная формулировка «Топография женских погребений в зависимости от возраста» вместо «Расположение могил» по существу соответствует содержанию и может быть учтены в дальнейших публикациях по теме. Но название параграфа «Останки погребенных» вместо «Итоги палеоантропологических исследований» было сформулировано сознательно, т.к. в работе приведены сведения из палеоантропологических отчетов, где я не являюсь ни автором, ни специалистом, поэтому название «Итоги» выглядело бы не совсем корректно по отношению к исследователям.

В отзыве Руслановой не содержится критических замечаний, однако высказано пожелание: выводы работы отражают преимущественно положение привилегированных слоёв якутского общества, и в дальнейшем целесообразно расширить сравнительный анализ за счёт привлечения данных по менее статусным погребениям и по мужским комплексам.

Я полностью согласна с этим. Действительно, специфика археологически фиксируемых памятников XVII–XVIII вв. такова, что большинство изученных женских погребений принадлежит знати и экономической элите. В диссертации этот факт специально оговорён: выводы реконструируют положение привилегированной части общества, а рядовое и зависимое население, а также дети раннего возраста представлены в выборке недостаточно.

Сравнение с мужскими погребениями в работе проводится (глава 1 и глава 3), однако его можно углубить. Автор рассматривает это как перспективное направление дальнейших исследований, наряду с расширением хронологических рамок и привлечением данных по другим категориям памятников.

Таким образом, замечания приняты с благодарностью и будут учтены в дальнейшей работе.

Крадин Н.Н.: Спасибо. Коллеги, нам необходимо сделать небольшой перерыв. Пять минут.

Крадин Н.Н.: Пожалуйста, слово для зачитания отзыва первого официального оппонента доктора исторических наук Наталья Александровны Берсеновой.

Федирко О.П.: *(Полный текст Отзыва Берсеновой Н.А. прилагается)*

Крадин Н.Н.: Спасибо, Оксана Петровна. Александра Николаевны, вы будете отвечать каждому по отдельности оппонентов?

Прокопьева А.Н.: По отдельности.

Крадин Н.Н.: Хорошо.

Прокопьева А.Н.: Выражаю искреннюю благодарность Наталье Александровне за анализ диссертационной работы, а также за конструктивные замечания.

1. О структуре и изложении Главы 3, параграфа 1 и 2

Замечание о том, что разбивка параграфа 1 «Половозрастные маркеры статуса» на более мелкие части и разделение анализа возрастных групп (дети / взрослые) способствовали бы лучшему пониманию мысли автора, представляется справедливым. Действительно, в этом параграфе сконцентрирован значительный объем информации, касающийся как половозрастной, так и брачной стратификации, что могло бы быть структурировано более подробно.

При написании работы я стремилась к тому, чтобы Глава 3 носила синтетический, обобщающий характер, и в параграфе 1 намеренно объединила различные аспекты статуса женщины (возрастной, половой, брачный), чтобы показать их взаимосвязь и взаимообусловленность в рамках единой социальной группы. Представленная структура отражала логику исследования, где основные выводы по отдельным возрастным группам уже были подробно изложены в Главах 1 и 2. Однако ваше замечание справедливо: с точки зрения удобочитаемости и восприятия материала, более подробная структура (например, выделение подпараграфов «Детские погребения как маркеры статуса», «Взрослые женщины: достигнутый статус», «Украшения как маркеры половозрастного перехода») действительно сделала бы изложение более ясным.

Что касается замечания о нарушении логики в параграфе 2, где вывод о том, что социальное неравенство ярче всего проявляется в могилах взрослых и старших взрослых женщин, помещен в начале параграфа, — согласна, что с точки зрения композиции было бы логичнее сначала изложить фактические данные, а затем подвести итог. Данная формулировка была помещена в начало как тезис, который далее в параграфе обосновывался и конкретизировался на материале анализа могильников и ландшафтного расположения погребений.

2. О необходимости указания соответствия реконструированного костюма возрастным, гендерным и статусным группам

Замечание о том, что в Иллюстративном приложении для каждого рисунка, особенно для реконструкций костюма (рис. 58, 59, 71 и др.), было бы полезно указывать соответствие определенным возрастным, гендерным и статусным группам, является очень ценным и конструктивным. В пояснительных подписях к рисункам в Альбоме (Том 2) в большинстве случаев указан номер погребения и его краткая характеристика (возраст, статус), но действительно, эта информация могла бы быть представлена более системно.

При подготовке иллюстративных материалов я исходила из того, что Альбом является приложением к тексту диссертации и детальная интерпретация каждого элемента костюма дана в Главе 2, параграф 2. Реконструкции выполнялись для демонстрации конкретных находок из конкретных погребений, поэтому в подписях указывался номер могилы, что позволяло при необходимости обратиться к соответствующему разделу текста. Однако замечание показывает, что для удобства восприятия и наглядной визуализации выводов исследования, единообразная легенда к реконструкциям, включающая информацию о возрасте, социальном статусе и брачном положении, действительно была бы уместна. При подготовке публикаций на основе диссертационного исследования это будет учтено.

3. О необходимости разделения анализа возрастных групп в параграфе 1

Ваше пожелание о разделении анализа возрастных групп в параграфе 1 перекликается с замечанием о структуре в целом. В диссертации основное разделение возрастных групп представлено в Главе 1 (параграф 3), где впервые проводится детальный анализ детских, взрослых и старших взрослых погребений. В Главе 3 (параграф 1) я ставила задачу уже не просто описать, а именно интерпретировать эти различия в терминах половозрастных маркеров статуса, что и определило композицию.

4. О замечании, что «формулировкам зачастую не хватает ясности, а выводам — четкости»

Принимаю это замечание как критику стиля, которая, безусловно, будет учтена в дальнейшей научной работе. В исследованиях такого масштаба, где необходимо удерживать в поле зрения большой объем разнородного материала, существует риск, что обобщающие формулировки становятся слишком широкими, а выводы недостаточно резкими. В ходе работы над текстом я стремилась к балансу между детализацией и обобщением, однако признаю, что некоторые формулировки могли быть менее ясными, чем следовало бы.

Еще раз благодарю Наталью Александровну за высокую оценку моего исследования.

Крадин Н.Н.: Спасибо, присаживайтесь. Пожалуйста, слово второму официальному оппоненту Митько Олегу Андрееву, кандидату исторических наук, доценту.

Митько О.А.: (*Полный текст Отзыва Митько О.А. прилагается*)

Крадин Н.Н.: Спасибо большое. Александра Николаевна, вам слово для ответа на замечание.

Прокопьева А.Н.: Уважаемый Олег Андреевич, благодарю вас за анализ диссертационной работы, а также за ценные замечания и пожелания.

1. О неиспользовании монографии Ю.А. Смирнова «Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения» (1997).

Труд Ю.А. Смирнова является фундаментальным в области морфологии погребального обряда, и его теоретические построения несомненно заслуживают внимания. При работе над диссертацией я опиралась на широкий круг отечественных и зарубежных исследований в области погребальной и социальной археологии, однако монография Ю.А. Смирнова не была рассмотрена. Это связано с тем, что ее теоретическая направленность ориентирована преимущественно на выявление универсальных закономерностей и структуры погребального обряда в целом, тогда как в фокусе моего исследования находилась конкретная культурно-хронологическая группа памятников и их интерпретация в контексте социальной истории Якутии XVII–XVIII вв.

В отечественной археологии Сибири, как справедливо указано в отзыве, сложилась своя традиция изучения погребально-поминальной обрядности скотоводческих культур, а также в якутской археологии. Методологический аппарат диссертации формировался именно в русле этой традиции, что обеспечило преемственность и сопоставимость результатов с предшествующими исследованиями.

2. О методе датировки по нарративу

В отзыве отмечено, что применение метода датировки по нарративу вызывает сомнения, поскольку «устная повествовательная история также сомнительна, как и народная этимология». Разделяю вашу осторожность в отношении данного метода и благодарю за возможность уточнить свою позицию.

Следует подчеркнуть, что датировка по нарративу была применена не как самостоятельный и тем более не как основной метод, а как вспомогательный инструмент перекрестной верификации. В диссертации приведены датировки исследователей могил, причем в каждом случае типологический анализ сопроводительного инвентаря и костюмного комплекса давал согласующиеся хронологические показатели, а также в некоторых случаях имелись письменные документы XVIII вв., позволяющие идентифицировать погребенных лиц. К тому же, указанные погребения не были включены в основную выборку из 57 могил с достоверным определением пола и возраста.

Таким образом, нарратив выступал не как самостоятельный датирующий признак, а как один из элементов комплексного подхода, позволяющий уточнить хронологические рамки при отсутствии возможности естественно-научного датирования. В современной археологической практике подобный подход признается допустимым при условии критического анализа источника и его сопоставления с другими категориями данных.

3. О трансформации «мужских» предметов в женских погребениях

Замечание о том, что предметы мужской субкультуры могли терять практические функции, но сохранять сакральность и социальную значимость, становясь частью женского костюма, в целом не противоречит тезисам диссертации. В диссертации я рассматриваю наличие в женских погребениях таких предметов, как кнут, металлический котел, конское снаряжение, в первую очередь как свидетельство высокого социального статуса женщины и ее приближенности по ряду материальных маркеров к мужской элите. Для якутского общества XVII–XVIII вв. эти маркеры не могли уже утратить практические функции и символическое значение, т.к. фигурировали практически до конца XIX в.

4. О недостатках иллюстративного ряда

Действительно, в Альбоме преобладают фотографии, а планы и чертежи раскопок представлены недостаточно. Это связано с несколькими объективными обстоятельствами:

Во-первых, значительная часть памятников, включенных в выборку, была изучена в первой половине – середине XX в., когда полевые планы либо не составлялись, либо не сохранились в архивах в полном объеме;

Во-вторых, для памятников, изученных в последние годы, планы и чертежи выполнены и включены в отчеты по Открытым листам, ссылки на которые присутствуют в тексте;

В-третьих, фотографии, демонстрирующие сохранность костюма и особенности положения тел даны только для отдельных случаев, требующих дополнительного иллюстративного материала. Включение планов и видов всех памятников излишне перегрузило бы исследование.

Замечание об отсутствии единообразия подрисовочных подписей в ряде случаев справедливо. Надпись «ПМА» относится к исследованиям, проведенным по открытым листам автора и к экспедициям, которыми руководил автор. Надпись «фото автора» применена к тем источникам, которые были доступны для фотофиксации, но не являются интеллектуальной собственностью автора.

Благодарю Вас за высокую оценку диссертационного исследования и ценные замечания, которые, безусловно, будут учтены в дальнейшей научной работе. Ваши комментарии помогут глубже осмыслить теоретические основания исследования и усовершенствовать его иллюстративный аппарат.

Крадин Н.Н. Спасибо. Так, коллеги, открываем дискуссию по данной диссертации. Кто хотел бы высказаться? Пожалуйста, Сергей Александрович. Профессор Васютин.

Васютин С.А.: Понятно, что это моя точка зрения, что цель полностью в работе не выполнена, две задачи тоже не сделали. Когда соискатель отвечал на вопрос ведущей организации, она сказала, что у неё указано в положениях, выносимых на защиту, что это касается только элит. На самом деле, в положении выносимых на защиту там все возрастные группы, их можно посмотреть: «Сравнительный и статистический анализ совокупности компонентов погребального памятника может выявить социальную

дифференциацию внутри половозрастной группы». Нет тут оговорок. Если в принципе, вы понимаете, что у вас нет материала, который мог бы дать вам стратификацию всего населения, зачем брать такое название?

Дальше. На мой взгляд, очень большие пробелы для такой темы, в которой явно присутствуют значительные элементы социальной археологии, не учтены весьма важные работы, например, Николая Николаевича Крадина. Неоднократно переиздававшаяся работа по хунну, где большие главы по социальному разделу. Есть работы Николая Николаевича по киданям, по монголам, которые ближе к хронологическим; иркутская школа, целый их ряд сборников по социогенезу, коллективные монографии по социальной структуре древних обществ.

Дальше. Я считаю, что невозможно составить стратификацию женского населения без мужского населения. Там надо тоже полностью. Я это посмотрел специально. Просто там ничего такого нету, чтобы можно было выставить в качестве критерия всей стратификации. Там тоже несколько элитных захоронений. Ну, и надо было бы назвать работу «элитные захоронения» и вообще вопросов нет.

Олег Андреевич, вы меня извините, надо было, чтобы один оппонент это был специалист, который защищал диссертацию по социальной стратификации. Тогда было бы всё более понятно. Пусть это был Николай Николаевич Серёгин, например, или Пётр Константинович Дашковский.

Ещё один момент. Вы же знаете антропологические возрастные группы? А социологические группы знаете? Почему у вас возрастная 16-55? Какая тут фертильность? Это что, в 50 лет рожали, что ли, если по среднему 40? Зачем вы такую группу? Сейчас социологи разбили бы ее, наверное, на 5 или 6 групп возрастных. Это вообще такой нонсенс.

Как я говорил, очень некорректно сделана таблица по женским захоронениям, зачем нужно было детские и вместе мужские, если у вас женские? Потому что там сейчас непонятно даже в этой таблице, что там является по числу. Есть ещё высказанные замечания про приложение. На самом деле, если бы вам попался до вашей защиты какой-то из специалистов, который специально занимается социальной археологией, достаточно было бы на 2 дня с ним общаться, чтобы вот этого всего избежать.

Несмотря на эти замечания, я буду голосовать за вас, поддержу, потому что вы не в кабинете всё делали, вы много лет это исследовали, много публикаций, но в следующий раз, если вы в такую тему возьмётесь, то к ней надо отнестись более серьезно. Я еще раз подчеркиваю, цель не раскрыта полностью.

Крадин Н.Н.: Спасибо, Сергей Александрович. Я только одно скажу, что совет то не пинайте. Наталья Александровна Берсенева специалист, она же занимается социальной археологией. И как раз женщинами, гендером. По-другому, да, но тем не менее один из специалистов. И вас, и Артура Викторовича, как членов Совета, не могли брать, поскольку нам пока...

Васютин С.А.: Я и не предлагал.

Крадин Н.Н.: Так, пожалуйста.

Дьякова О.В.: Поскольку я экспертную группу возглавляла и там были проблемы со структурой и с названием, я предлагала как переименовать главы и саму работу, чтобы эта диссертация прошла в ВАКе. Ну вот коллеги не совсем меня поддержали, а в таком виде. Я после этого еще раз работу пересмотрела, подумала и пыталась понять, почему человек выбрал именно это название, структуру этих глав. Я поняла, поняла через свои работы. Вы знаете, здесь довели материал богатый, материал огромный, и сделан он достаточно добротно. Те, конечно, замечания, которые были сделаны, они серьезные. В дальнейшем, безусловно, нужно принять его внимание и исправить. Но здесь довели этнические знания у человека, исконные. Как я это поняла? Раскапывала, когда могильник, совершенно четко я смогла выявить 7 структур, четких. По хронологии распределила, по культуре там всё тютелька в тютельку. Но связь внутренняя мне была непонятна. До тех пор, пока я в этнографии северо-восточных народов Китая, не столкнулась. Будучи на кладбище, я увидела такую же структуру. И спрашиваю, а она представительница этого рода и Курил. Я спрашиваю, так, вот как вы можете это объяснить? Я не понимаю, кто здесь, кто. Она говорит, что тут непонятно. Вот это родоначальник. Думаю, да, правильно, у меня по материалам. Так, это сын, это второй сын, а там племянник. А там кто? Она мне все вот это на материале разложила. Я говорю, ну а кто у вас это контролирует-то? Она говорит, вот в данный момент, в данное время контролирую я. И без моего сопровождения, захоронения не будут делать. То есть она знает все эти тонкости погребальных обрядов и вот всей этой структуры. И она за это отвечает. И когда я через это пропустила ее работу, я поняла, что у нее это подсознательно идет. Вот эти этнические знания, они опережают выводы и структуру. Вот думаю, что в этом вопрос. И, собственно, я это специально говорю для экспертов ВАКа, чтобы снять вот эти вот вопросы. Попадется работа к археологу, она однозначно попадется, и возникнут именно те вопросы, которые были озвучены вот сейчас. Ну вот, я, так сказать, предлагаю вариант решения и объяснения. Спасибо.

Крадин Н.Н.: Спасибо, Ольга Васильевна. Коллеги, кто еще хотел бы высказаться? В последующей дискуссии могут принимать участие все присутствующие. Обычно члены Совета говорят, потом все остальные. Но пока члены Совета думают, мы можем к нашему уважаемому гостю из Новосибирска, который всю ночь летел, дать возможность.

Митько О.А.: Сергей Александрович очень эмоционально выступил. Знаете, мне показалось, когда читал работу, хоть я и не археолог, занимающийся социальными проблемами, но эта работа посвящена в первую очередь погребальному обряду, а во-вторую уже социальной проблематике. Если бы я был как-то причастен к созданию этой работы я бы просто поделил бы на три больших части, потому что там столько материала огромного, и попытка в одну работу массу проблем поместить, вот это наверно и минус. Потому что может можно было бы оставить социальную проблематику или ее

поменять. Я работу читал. Если честно, она мне очень понравилась. Она читается как хороший такой трактат, при чем на археологическом материале. Это очень трудный жанр. То что вы все сцепились и мне не очень понравились - это 26 таблиц. Я их долго листал, смотрел, пытался в них разобраться, очень много времени на это потратил, я бы подал этот материал по-другому. Но на самом деле еще раз я никак не хочу агитировать за Александру Николаевну, но работа на самом деле интересная. Я не читал давно диссертаций, которые настолько были наполнены материалом огромным. Это интересная работа. Но вам решать.

Крадин Н.Н.: Спасибо! Еще кто-то, коллеги?

Федирко О.П.: Можно я скажу? Я не археолог, это понятно. Но хочу сказать, что меня сразу зацепило название диссертации. Понятно, что я занимаюсь религиоведением, а сейчас еще новая проблема - русские в ДВФО и в целом этот материал оказался интересным. Во всяком случае мне было очень интересно читать эту работу. Присоединяюсь с Олегу Андреевичу. Много для себя нового познала. Ну, я не как археолог, а просто историк, который изучает историю региона, для меня эта работа очень познавательна. И мне кажется, что и выводы, и подходы, которые были осуществлены в рамках этой научной работы, они очень логичны. Я думаю, что действительно материала очень много, из него получится не одна хорошая книга, которая очень необходима на сегодняшний день в целом на Дальнем Востоке для того, чтобы отразить эту проблему. Социальная роль женщины для меня в этой работе, она понятна. Мне понятно выделение этих двух всего лишь страт, да, не очень больших, и понятно, почему она сакцентировала именно на элитарных. Поэтому я буду голосовать за.

Крадин Н.Н.: Да, пожалуйста, Ирина Юрьевна.

Понкратова И.Ю.: Я как археолог хочу сказать, что наш сегодняшний соискатель не только сам добыл те материалы, которые сегодня представлены, не только сделал попытку их осмыслить и представить какую-то иерархию. Но обратите внимание еще: то, что сегодня востребовано для страны, для мира, – это наше археологическое наследие, которое мы находим, - дать людям. Мы в этой работе увидели еще один аспект. Это реконструкция тех находок, которые лежали в земле, а сегодня эти находки работают на людей. Работают в музеях, работают в виде вот этих иллюстраций. Да, я согласна, что где-то, может быть, не хватает именно археологических иллюстраций в виде планов. Но это есть в отчетах и кому нужно, это посмотрят. А сегодня мы имеем блестящую работу во всех отношениях. Спасибо.

Крадин Н.Н.: Спасибо. Академик Ларин, пожалуйста.

Ларин В.Л.: Хотел бы просто обратить внимание членов Совета на то, как сегодня шла защита. Я получил большое удовольствие сегодня. То есть перед нами готовый специалист, зрелый специалист, который прекрасно владеет материалом, и то, что сделано в этой диссертации это маленькая часть того, что у нее есть. Я думаю, нужно просто голосовать. Для меня абсолютно все понятно. Мы имеем готового кандидата наук.

Крадин Н.Н.: Спасибо. Ну что коллеги, есть желающие выступить? Достаточно? Тогда, коллеги, нам нужно перейти к процедуре голосования и нужно избрать еще одну комиссию. Мы уже исчерпали человеческий потенциал, почти. Есть мнение избрать комиссию в следующем составе: профессор Дьякова Ольга Васильевна, профессор Харинский Артур Викторовича и профессор Понкратова.

Крадин Н.Н.: Коллеги! Слово председателю счетной комиссии.

Дьякова О.В.: Спасибо. Присутствовало на заседании 15 членов диссовета. По профилю рассматриваемой диссертации - 6. Роздано бюллетеней 15. В урне оказалось 15. за проголосовали 14. Против - 1. Недействительных бюллетеней нет.

Крадин Н.Н.: Прошу коллеги, утвердить результаты голосования. У нас имеется проект заключения диссертационного совета, он был роздан всем членам диссертационного совета, и нам нужно проголосовать за принятие заключения. Кто за?

Заключение.

О присуждении Прокопьевой Александре Николаевне, гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата исторических наук.

Диссертация «Положение и социальная роль женщин в якутском обществе XVII–XVIII вв. (по материалам погребальных памятников)» по специальности 5.6.3. – Археология принята к защите «23» июня 2026 г., протокол № 51 диссертационным советом 24.1.068.01, созданным на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИИАЭ ДВО РАН), 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89, приказ Минобрнауки России № 48 от 06.06.2025 г.

Соискатель Прокопьева Александра Николаевна, 1983 года рождения,

В 2005 году соискатель окончила Якутский государственный университет им М.К. Аммосова по специальности «История».

С 2021 г. по 2024 г. была прикреплена соискателем к ФГА ОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Работает в должности научного сотрудника лаборатории археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Диссертация выполнена в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель - доктор исторических наук, доцент Чёрная Мария Петровна, профессор, заведующий кафедрой археологии и исторического краеведения ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Берсенева Наталья Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Отзыв положительный. В отзыве отмечены следующие замечания: 1) в параграфе 1 главы 3 следовало бы разделить анализ возрастных групп (взрослые женщины/дети); 2) в параграфе 2 главы 3 нарушена логика изложения: вывод о том, что социальное неравенство ярче проявляется в могилах взрослых женщин, озвучен в самом начале параграфа, тогда как логичнее было бы сначала изложить факты, а затем подвести итоги. Высказанные замечания не умаляют достоинств работы и служат стимулом для дальнейших исследований.

Митько Олег Андреевич – кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований, доцент кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет». Отзыв положительный. В отзыве отмечены следующие замечания: 1) при анализе конкретного материала автор опирается на методические подходы сибирских археологов, однако без внимания осталась одна из фундаментальных монографий по систематизации погребальной обрядности Ю.А. Смирнова (1997); 2) интересным, но спорным является применяемый автором метод датировки по нарративу; 3) в сибирской этнографии можно обнаружить ситуации, когда предметы мужской субкультуры теряют практические функции, но сохраняют сакральность и становятся частью предметного окружения женщин; 4) представленный автором иллюстративный ряд в основном состоит из фотографий, которые не могут полностью заменить планы и чертежи раскопок; 5) отсутствует единообразие в подрисуночных подписях. Однако представленные замечания не умаляют ценность проведенного исследования. К защите представлена фундаментальная разработка, отличающаяся глубиной познания автором материала.

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан **в своем положительном заключении, указала, что** диссертационное исследование А.Н. Прокопьевой является самостоятельным, завершенным научным трудом, в котором решена важная научная проблема – на основе комплексного анализа археологических источников впервые реконструирована социальная структура женской части якутского общества XVII–XVIII вв. Работа обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью. В отзыве ведущей организации отмечены следующие замечания: 1) во введении и главе 1 автор указывает, что «археологически видимой» является преимущественно зажиточная прослойка общества, в связи с чем возникает вопрос о корректности экстраполяции выводов о «социальной роли женщины в якутском обществе» в целом; 2) в работе по-разному трактуются погребения с нестандартным положением тел, отнесенные к разряду «опасных покойников»; 3) в тексте встречаются повторы и незначительные технические погрешности. Высказанные замечания носят

скорее рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки диссертационной работы.

Соискатель имеет 28 опубликованных работ, в том числе по теме диссертации 28 работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, 12 работ. Наиболее значительные работы: статьи в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в том числе в изданиях, индексируемых в базах Web of Science и Scopus, а также монография (в соавторстве) и публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций.

На диссертацию и автореферат поступили отзывы:

1. Ирина Владимировна Сальникова, к.и.н, старший научный сотрудник отдела палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Специальность — 07.00.06 (археология). Отзыв положительный. Работа признана актуальным и самостоятельным исследованием, соответствующим требованиям к кандидатским диссертациям. Отмечены следующие замечания: 1) в первой главе необходимо добавить общее количество погребений и зафиксировать процент женских погребений среди общего числа погребённых; 2) отсутствует характеристика самих археологических памятников как базового источника исследования; 3) формулировки названий некоторых параграфов не в полной мере отражают содержание исследования. Предложено уточнить их.

2. Русланова Рида Раисовна – к.и.н., заведующая отделом археологии Государственного бюджетного учреждения культуры и искусства Республики Башкортостан «Национальный музей Республики Башкортостан» (Уфа). Специальность — 07.00.06 (археология). Общая оценка положительная. Высказаны замечания: 1) выводы исследования отражают преимущественно положение привилегированных слоёв общества, что обусловлено спецификой археологически фиксируемых памятников; 2) для более полного понимания социальной структуры якутского общества целесообразно в дальнейших исследованиях расширить сравнительный анализ за счёт привлечения данных по менее статусным погребениям и по мужским комплексам.

3. Хасенова Бахыт Мулдашевна – PhD, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). Отзыв положительный. Работа характеризуется как комплексное научное исследование, посвящённое актуальной проблеме реконструкции погребальной практики и мировоззренческих комплексов населения Якутии.

Высказанные замечания не снижают достоинств диссертации и по мнению авторов отзывов на автореферат, автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их компетентностью в области археологии каменного века, эпохи палеометалла и Нового времени, наличием публикаций по теме диссертации и способностью оценить научную и практическую значимость исследования.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

разработана научная концепция реконструкции социального статуса и роли женщин в якутском обществе XVII–XVIII вв. на основе комплексного анализа погребальных памятников, обогащающая современные представления о социальной структуре традиционного якутского общества;

предложены оригинальные суждения и нетрадиционный подход к систематизации и классификации женских погребений, позволившие выявить качественно новые закономерности социальной дифференциации внутри женской части якутского социума;

доказана перспективность использования комплексного подхода, сочетающего археологические, палеоантропологические, генетические, этнографические и письменные источники, что позволило реконструировать не только материальную культуру, но и социальные отношения, мировоззрение и правовой статус женщин;

введены в научный оборот новые данные о состоянии здоровья женщин на момент их смерти, полученные из протоколов антропологов и отчетов MAFSO, а также новые палеоантропологические материалы.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

доказаны положения, вносящие вклад в расширение представлений о процессах социальной стратификации и гендерных отношениях в традиционных обществах Сибири, в частности, о механизмах формирования «предписанного» и «достигнутого» статуса женщин;

применительно к проблематике диссертации результативно использован комплекс существующих базовых методов исследования, включая статистическую обработку, сравнительно-исторический метод, гендерно-возрастной анализ и метод «опредмечивания» социального статуса;

изложены положения, идеи и аргументы, доказывающие, что погребальный обряд является многоуровневым источником социальной информации, позволяющим моделировать стратификацию традиционного якутского общества;

раскрыты существенные противоречия в существующих взглядах на положение женщины в якутском обществе XVII–XVIII вв., разрешенные на основе анализа археологического материала;

изучены причинно-следственные связи между социально-экономическими процессами (вхождение в состав Российского государства, ясачная политика, христианизация) и изменениями в погребальном обряде женщин;

проведена модернизация существующих подходов к описанию и классификации погребальных памятников, в частности, системы описания костюмных комплексов.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

разработаны и внедрены практические рекомендации для организации исследований на подобных памятниках, а также материалы для учебных курсов по региональной истории и археологии;

определены пределы и перспективы практического использования полученных результатов для музейной деятельности при создании экспозиций и интерпретации археологических коллекций;

создана модель эффективного применения комплексного подхода к изучению женских погребений, позволяющая сформировать обобщающий образ женщины в традиционном якутском обществе;

представлены методические рекомендации по дальнейшему изучению и сохранению объектов исторического наследия.

Оценка достоверности результатов исследования выявила:

теория построена на известных, проверяемых данных, фактах, в т.ч. для предельных случаев, согласуется с опубликованными экспериментальными данными по теме диссертации или по смежным отраслям;

идея базируется на анализе практики и обобщении передового опыта ведущих археологов Сибири и Дальнего Востока;

использованы сравнение авторских данных и данных, полученных ранее по рассматриваемой тематике;

установлено качественное и количественное совпадение авторских результатов с результатами, представленными в независимых источниках по данной тематике, в тех случаях, когда такое сравнение является обоснованным;

использованы современные методики сбора и обработки исходной информации, представительные выборочные совокупности с обоснованием подбора объектов (единиц) наблюдения и измерения.

Личный вклад соискателя состоит в: непосредственном участии на всех этапах процесса, включая проведение полевых археологических работ с целью выявления и изучения погребальных памятников, сбор фольклорных сведений о погребальном обряде и женских сюжетах в культуре, самостоятельную разработку базы данных о женских погребениях Якутии XVII–XVIII вв., обработку и интерпретацию экспериментальных данных, а также подготовку основных публикаций по выполненной работе.

В ходе защиты диссертации были высказаны следующие критические замечания: положения о стратификации не содержат оговорок только об элитах, возрастные группы (16–55 лет) некорректны.

Соискатель Прокопьева А.Н. ответила на задаваемые ей в ходе заседания вопросы и привела собственную аргументацию.

На заседании 25 сентября 2026 г. диссертационный совет принял решение за решение научной проблемы, имеющей значение для археологии, истории и социальной антропологии: впервые на материалах погребальных памятников систематизированы женские погребения XVII–XVIII вв. и реконструированы положение, социальная роль и статус женщины в якутском обществе, присудить Прокопьевой А.Н. ученую степень кандидата исторических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 15 человек, из них 6 доктор наук по специальности 5.6.3. – археология, учувствовавших в заседании из 19 входящих в состав совета, дополнительно введены на разовую защиту -0 человек, проголосовали: за – 14 человек, против -1, недействительных бюллетеней – 0.

Крадин Н.Н.: И вам возможность высказать свое завершающее слово.

Прокопьева А.Н.: Уважаемый председатель, уважаемые члены диссертационного совета, коллеги! Выражаю глубокую и искреннюю благодарность всем, кто принял участие в обсуждении диссертационного исследования, за проявленный интерес, внимательное и доброжелательное отношение к работе. Особая признательность - официальным оппонентам Олегу Андреевичу Митько, Наталье Александровне Берсеновой и ведущей организации «Северо-Восточный государственный университет», а также Р.Р. Руслановой, И.В. Сальниковой и Б.М. Хасеновой за отзывы на автореферат, положительную оценку и ценные замечания. Сердечно благодарю моего научного руководителя – доктора исторических наук Марию Петровну Чёрную. Очень признательна родному Институту, и конечно же своему Центральноякутскому археологическому отряду. Отдельная благодарность – родным и близким за терпение и понимание.

Крадин Н.Н.: Мы вас поздравляем! Спасибо, коллеги за работу. Заседание окончено.

Председатель
диссертационного совета

Ученый секретарь
диссертационного совета

Крадин Николай Николаевич

Федирко Оксана Петровна

25 сентября 2026 г.